

ПОЛИТОЛОГИЯ

ИСЛАМИЗМ В ЗАРУБЕЖНОМ ДИСКУРСЕ XXI ВЕКА¹

© 2022 Т.Р. Хайруллин

ХАЙРУЛЛИН Тимур Радикович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка 30/1, e-mail: jumglaw16@yandex.ru

***Аннотация.** В статье представлены результаты историографического обзора зарубежной научной литературы о природе исламизма в XXI в. Немаловажную роль в зарубежном дискурсе нынешнего столетия сыграла проработка радикальной составляющей в исламизме, которая имеет различные модификации и оттенки. Помимо изучения радикализма и анализа социальной базы исламизма, особое внимание уделяется его политическим особенностям и определению. События «арабской весны» привели к рассуждениям об очередном «закате исламизма». По мнению ряда зарубежных ученых, исламизм не сумел в кратчайшие сроки достичь главной цели – построения исламского государства и подвергся пересмотру, в результате чего возникли более либеральные постисламистские идеи. Наблюдается попытка систематизации накопленных знаний об исламистской идеологии.*

***Ключевые слова:** исламизм, политический ислам, постисламизм, дискурс, Ближний Восток, Северная Африка*

DOI: 10.31132/2412-5717-2022-61-4-70-83

Феномен современного политического ислама/исламизма в различных его проявлениях в зарубежной историографии раскрыт в большом количестве трудов. Именно зарубежные исследователи заложили фундамент в вопросе изучения политического ислама/исламизма как идеологии. Если на рубеже 1970-х – 1980-х гг. исламизм получил организационное оформление, то уже к концу 1980-х – началу 1990-х гг. в академических кругах стал утверждаться дискурс относительно места и роли исламистских движений и исламизма в целом и их политики в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Отметим, что в настоящем исследовании термины «политический ислам» и «исламизм» используются как синонимы, поскольку данный подход разделяется большинством зарубежных исследователей.

Что касается XXI в., то после трагических событий 11 сентября 2001 г. западные силы во главе с США отреагировали на исламистский терроризм полномасштабной войной. В итоге многие функционеры Аль-Каиды² были пленены или уничтожены, а ее лагеря и ячейки, равно как и ячейки других террористических движений, значительным

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 19-18-00155

² Запрещенная в РФ организация.

образом пострадали. Однако, несмотря на неоднократные усилия, убедительной победы над глобальным исламистским терроризмом достигнуто не было.

До событий 2001–2003 гг. исламизм (несмотря на свою востребованность и популярность) был контридеологией по отношению к правящим режимам, а после наметился его переход на другую стадию развития. Одни ученые говорят, что он не смог добиться создания всемирного исламского государства благоденствия и сосредоточился на решении проблем в отдельно взятых странах, другие считают, что исламизм стал радикализироваться, что может привести к непредсказуемым последствиям.

Целый ряд определений и особенностей исламизма в первом десятилетии XXI в. характеризуется с негативных позиций, что может быть связано с терактами в Нью-Йорке и реакцией на радикализацию исламистских движений после 2003 г. – вторжения американских войск в Ирак и последующим демонтажем государственных и силовых структур Ирака. Это привело к тому, что многие набожные чиновники и боевые офицеры, служившие в период правления С. Хусейна оказались вне системы и ушли в оппозицию, в большинстве своем вооруженную.

Поэтому неудивительно, что данный период историографии характеризуется обилием поиска негатива в феномене исламизма и его противопоставлении демократии.

Особенности и определения исламизма

Связывая новый подъем исламизма с деятельностью радикальных группировок, преимущественно Аль-Каиды, британский исследователь М. Десаи делает акцент на его радикальной составляющей, которая, по его мнению, имеет анархистский характер. Исламизм – это политическая идеология, совершенно отличная от религии: «современный исламистский террорист – потомок анархиста, за исключением того, что существует центральный офис и филиалы Аль-Каиды, которая либо контролирует их, либо, по крайней мере, вдохновляет их» [1, с. 76]. Продолжая вышеизложенную линию повествования, американский исследователь Дж. Бэйл утверждает, что исламизм является радикальной политической идеологией, которая явно основана на необычно строгой, пуританской интерпретации исламской доктрины [2, с. 77]. Если свести его к абсолютным основам, то исламизм можно определить как радикально антисекулярную и анти- «неверную» исламскую политическую идеологию, основанную на исключительно нетерпимой и пуританской интерпретации исламских писаний и исламского права, которая имеет как революционные, так и возрожденческие черты. Ее можно охарактеризовать как революционную, потому что для того, чтобы исламисты достигли своих заявленных целей, существующий международный мировой порядок должен был бы быть коренным образом преобразован, если не опрокинут, полностью или частично [2].

По мнению испанского исследователя А.Б. Соаж, со времени своего возникновения исламизм был тоталитарной и нетерпимой идеологией, в соответствии с которой у него есть ответ на все вопросы и решение всех проблем, стоящих перед человечеством [3]. Еще более жесткую характеристику исламизма приводит британский журналист Ник Коэн, считающий, что это транспозиция европейского фашизма в мусульманский мир, которую следует понимать скорее через собственную историю Европы, чем через труды тех, кого он считает интеллектуальными предками исламизма. Он описывает правую традицию реакции против либеральных ценностей Просвещения, унаследованную исламизмом, проявляющуюся в мешанине идеологий (национализм, коммунизм, фашизм, «научный» расизм, баасизм), философов (Ницше и Хайдеггер) и диктаторов (Пол Пот и Хомейни). Различия между ними, по его мнению, менее важны, чем то, что у них есть общего: отказ от либерализма, понятие чистоты и вера в избранный на-

род [4, с. 260]. В свою очередь, исследователь из Орхусского университета Дании М. Мозаффари, также вкладывая отрицательный смысл в определение исламизма, называет его «клерикальным фашизмом» и дает следующее определение – «это религиозная идеология с целостной интерпретацией ислама, конечной целью которой является завоевание мира любыми средствами» [5, с. 21]. Это определение состоит из четырех взаимосвязанных элементов: первый – это религиозная идеология, второй – целостная интерпретация ислама, третий – завоевание мира, и, наконец, четвертый – использование всех средств в поисках конечной цели [5].

Противоположной точки зрения придерживается пакистанский исследователь Тарик Фатах, выдвинувший для описания исламизма термин «исламоанархизм», чтобы противостоять американским и британским неоконсерваторам. Он считает исламофашизм «не совсем корректным определением для природы исламизма, так как фашизм как идеология характеризуется ультранационалистической позицией, при которой государство имеет превосходство над конкурирующими интересами или группами. Для исламистов всепроникающим является исламский закон, а не государство» [6; 7].

По мнению западноевропейского исследователя П. Вейланда, исламизм представляет собой лишь очередную идеологическую модель, сменившую национализм, коммунизм и т.д. «Создается впечатление, что концепция образа старого врага времен холодной войны была просто адаптирована для концептуализации новых врагов глобализованного однополярного мира, а слово "советский" просто заменено терминами "исламский" или "исламистский". Либерализм, национализм, расизм, социализм, коммунизм – все эти понятия были импортированы в колониальный период с Запада с целью быстрого достижения западных стандартов развития. С течением времени, однако, становилось все более и более очевидным, что, несмотря на все эти концепции, разрыв между богатыми и бедными, между сильными и бессильными расширялся» [8]. Учитывая эти события, очень легко понять, что люди обратились к альтернативному источнику идентичности и идеологии.

Американский исследователь М. Брауэрс также считает, что идеологизация ислама опирается как на модернистские импульсы, так и на традиции исламской мысли и достигает своего полного выражения только после провала более ранних светских идеологий, таких как арабский национализм и социализм, с которыми они стремятся конкурировать [9, с. 80]. Похожей точки зрения придерживается аргентинский исследователь Х. Дергогассиан. Хотя исламизм не считается определяющим фактором окончания холодной войны, он, безусловно, возник как вызов двум доминирующим идеологическим мировоззрениям с гегемонистскими презумпциями: капитализму и социализму. К 1980-м гг. многие социальные группы в исламском мире, из которых в прошлом набирались левые партии, особенно студенты и интеллектуалы, начали предоставлять кадры для политических исламских или исламистских партий и движений [10]. Исламизм был не просто реакцией против западной светской модернизации, но и политикой идентичности, понимаемой как борьба между суннитами и шиитами за руководство международным исламистским движением. По мнению французского исследователя Л. Адди, «современный исламизм – это салафизм после обретения независимости или неосалафизм, который стремится достичь освобождения, доверяя руководство государством "истинным" мусульманам, чья вера приближает их к массам, ныне покинутым коррумпированной элитой, повернутой к Западу» [11].

Широта формулировок и движение в сторону либерализации наблюдаются у англо-американского исследователя С. Исмаил, которая представляет исламизм как деятельность организаций и движений, агитирующих в публичной сфере, развертывающих знаки и символы из исламских традиций с целью создания исламского правительства, реализующего нормы шариата (исламского права) [12, с. 616]. Египетский ученый Аш-

раф аш-Шериф считает, что исламизм – это широкая категория, включающая в себя различные субъекты, которых объединяют цели создания социально-политического, правового и экономического порядка, основанного на интерпретации ислама не только как религии, но и как социальной и правовой системы [13, с. 358].

Турецкий исследователь И. Йылмаз признает синонимичность исламизма и политического ислама, однако отмечает, что исламизм имеет более широкую трактовку. Для него, политический ислам – это идеологизация религии и инструментальное использование ислама в политике, а исламизм – это совокупность идеологий, провозглашающих, что ислам – это не только религия, но и политическая система [14, с. 247]. Другой турецкий исследователь Е. Йылдырым заявляет, что исламизм, это концепция, возникшая под влиянием политических, интеллектуальных и исторических событий последних двухсот лет. Различные дебаты, движения, акты насилия, идеологии, политика и позиции объединяют эту концепцию [15]. Грэм Фуллер и Марсель Курпершук считают, что политический ислам относится к любому мусульманину, который считает, что Коран и традиция пророка имеют важное значение для исламских правительств и общества [16].

Американские исследователи Т. Болл и Р. Даггер приводят более свободное определение исламизма – достаточно последовательный и всеобъемлющий набор идей, который объясняет и оценивает социальные условия, помогает людям понять свое место в обществе и дает программу социальных и политических действий [17, с. 4].

Помимо всего прочего, рассматриваемый период характеризуется продолжающейся дискуссией исследователей относительно постисламистской парадигмы [18, с. 11, 19]. Постисламизм позиционируется в качестве более прогрессивной идеологии, совместимой с принципами демократии и направленной в будущее, в то время как исламизм – идеология, призывающая вернуться в прошлое – «золотой век» ислама. Профессор из сингапурского исследовательского центра М. Осман определяет постисламизм «как отказ от строгого соблюдения исламских законов и сосредоточение на более эгалитарных аспектах ислама, таких как социальная справедливость, защита прав человека и создание политической системы, свободной от коррупции» [20].

Причины подъема исламизма

В зарубежных исследованиях XXI в. наблюдаются продолжающиеся попытки определить причины подъема исламизма, которые отличаются в т.ч. хронологическими рамками:

1. Реакция на превосходство западного мира [2; 10; 11; 21; 22];
2. Распад Османской империи как многонационального и поликонфессионального государства [9; 23, с. 92];
3. Реакция на западный колониализм [14, с. 247];
3. Поражение в арабо-израильской войне 1967 г [10].
4. Исламская революция в Иране [10; 24; 25, с. 9].

Социальная база исламизма

В исследованиях данного периода важное место заняло изучение социальной базы исламизма. Ряд исследователей акцентировали свое внимание на том, что изначально исламизм имел элитарный характер, а впоследствии приобрел популистский [26, с. 550]. Исследователь из Нью-Йоркского университета Ш. Берман на примере Египта утверждает, что исламистские движения и исламизм в целом стали популярны во многих частях Египта, особенно в бедных районах [27, с. 260].

Турецкий исследователь Ч. Тугал пишет, «что исламизм представляет собой продукт мелкобуржуазных отношений (существование городской бедноты, мелкой буржуазии и провинциальной буржуазии)» [28, с. 89]. Британский ученый Брайан Тернер также считает, что «с социологической точки зрения исламизм XX в. – продукт социальной фрустрации тех социальных слоев (низко оплачиваемые государственные служащие, перегруженные работой учителя, частично занятые инженеры и маргинализованные преподаватели колледжей), чьи интересы не удовлетворялись ни светским национализмом Г. Насера, Мухаммада Резы Шаха, Сухарто или Саддама Хусейна, ни неolibеральной политикой “открытых дверей” Анвара Садата или Шадли Бенджедида» [29, с. 140]. В этом отношении исследователь из Гарвардской школы права А. Хайдер подчеркивает, что суть исламизма – это коллективный бунт [30, с. 110]. Британский историк М.Е. Яп утверждает, что исламисты по своему социальному составу происходят не из традиционно доминирующих социальных классов и не из улемов, а из представителей среднего класса современного образования, особенно инженерного, и из недавно урбанизированных или недавно перемещенных лиц, особенно тех, кто переезжает из традиционных сельских районов в городские районы или даже за границу, чтобы работать в чужих странах [31, с. 174]. Подчеркивая диссидентский, полуполициальный характер социальной базы исламизма, англо-американский исследователь А. Кунднани утверждает, что в трущобах этих городов исламисты закрепились в политике неповиновения среди молодежи [22, с. 65]. Американский ученый В. Мурр считает, что исламизм является популярным революционным движением практически в каждой стране и состоит из многих людей с высшим образованием, среднего и высшего класса [25, с. 9].

Французский исследователь Ж. Кепель расценивает исламизм, как продукт смены поколений и классовых конфликтов: «Во-первых, он был воспринят теми молодыми поколениями в городах, которые были созданы послевоенным демографическим взрывом “третьего мира” и вызванным этим массовым исходом из сельской местности. Это поколение было бедным, несмотря на относительно высокий уровень грамотности и доступ к среднему образованию. Во-вторых, исламизм был привлекателен для представителей среднего класса – потомков купеческих семей, оттесненных деколонизацией: врачей, инженеров и бизнесменов, которые, получая заработную плату, ставшую возможной благодаря быстрому росту цен на нефть, были отстранены от политической власти. Идеологическими носителями исламизма на местном уровне были “молодые интеллектуалы”, только что окончившие технические и гуманитарные факультеты, которые сами были вдохновлены идеологами 1960-х гг.» [32]

Исламизм после «арабской весны»

После арабских восстаний 2011–2012 гг. развитие событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке вызвало новые вопросы о роли политического ислама в регионе. «Арабская весна» предоставила исламистским партиям возможность продемонстрировать свой потенциал. Границы между идеологией и политикой стали размытыми. Общие представления об исламе и национальном государстве как о несовместимых представлениях подверглись пересмотру.

Во время «арабской весны» ученые, рассматривавшие исламизм с различных точек зрения, обнаружили, что политические дискурсы «Братьев-мусульман», ан-Нахды и других исламистских движений и партий значительно отошли от первоначальной цели – создания исламского государства, и что эта цель эволюционировала в сторону, благоприятствующую демократии. Наблюдаются рассуждения о совместимости исламизма с либерально-демократическими ценностями. Помимо этого, присутствует попытка систематизации накопленных знаний об исламизме.

Параллельно ряд ученых высказываются о том, что произошло усиление радикального исламизма. Если до событий «арабской весны» в качестве грозной радикальной силы выступала Аль-Каида и, казалось, что их террористические акции являются апогеем исламистского радикализма, то с появлением ИГИЛ³, мировое сообщество увидело в массовых казнях и терроризме жестокость, трудно поддающуюся осмыслению.

По мнению арабского исследователя аль-Эфенди, исламизм в своем определении приобрел негативные оттенки и характеризуется как борьба (джихад) за воплощение ислама в жизнь [33]. Это связано с тем, что ислам исчез из повседневной жизни, как с точки зрения истинного понимания его послания, так и с точки зрения добросовестного осуществления его учений и норм, особенно в общественной жизни. Это определение связано с тенденцией ассоциировать исламизм с насилием, что рисует его неполную картину. Многие группы и движения, которые можно было бы назвать «исламистскими», избегают насилия [33]. Для китайских исследователей З. Лиу и П. Фана фундаментальная цель исламизма состоит в том, чтобы бороться с вестернизацией и секуляризацией, опираясь на оригинальные и реальные традиции ислама, изменяя нынешний мировой порядок и свергая нынешние светские правительства, чтобы создать исламское государство на основе шариата и утвердить исламский порядок, управляемый религиозными лидерами или учеными [34]. Что касается демократии, исламизм возражает как против диктатуры, так и против западной демократии, но приемлет построение исламской демократии, основанной на принципе «консультаций» [34].

Авторитарный и революционный облик характеристике исламизма придал турецкий исследователь У. Кюмечоглу, называющий исламизм антидемократической политической идеологией, которая возникла как реакция на доминирование западных ценностей. Исламисты, считает исследователь, отвергают демократический плюрализм и гражданское общество [35, с. 17]. Британский исследователь Ибрахим Харуна Хассан ассоциирует исламизм с исключительно радикальной идеологией, отвергающей западные ценности [36, с. 2].

Европейский исследователь Флоренс Гауб пишет, что хотя термин «исламизм» часто ассоциируется с террористическими группами, он просто обозначает политический проект, вдохновленный исламом [37]. Ф. Гауб делит исламизм на три вида: в отличие от приверженцев авторитарного исламизма, которые считают, что они уже достигли цели создания исламского государства (Саудовская Аравия и Иран), сторонники как революционного («кутбисты» среди «Братьев-мусульман»), так и электорального (умеренное крыло «Братьев-мусульман») исламизма являются сторонниками перемен, стремящимися заменить действующие режимы. Последние два, однако, расходятся во мнениях о средствах достижения желаемых изменений, а также о форме исламского государства, которая должна быть достигнута [37].

Немаловажное значение в зарубежном дискурсе после событий «арабской весны» получило развитие темы постисламизма. Снова заговорили о «закате исламизма» и начале нового «постисламистского рассвета». Американско-иранский исследователь А. Баят рассматривает призывы восстаний «арабской весны» к справедливости и демократии как «критику исламизма изнутри и извне», проявление «постисламистского общества», которое хочет выйти за рамки исламистской политики, подчеркивая права людей, а не только их обязанности [38]. Опираясь на исследования А. Баята и О. Руа, шведский исследователь М. Холдо отмечает, что в рамках постисламистской фазы, наступившей в результате «арабской весны», активизировались феминистские движения, салафитские движения (вопреки отрицанию роли салафитов Баятом и Руа), и «революционная» молодежь [39]. Эти три компонента, по мнению М. Холдо, стали важными составляющими в формировании постисламистского общества.

³ Запрещенная в РФ организация.

В рамках постисламизма западноевропейский исследователь Франческо Каваторта кратко использует термин «новые исламисты» при описании новой религиозности, связанной с арабским восстанием и спонтанным сотрудничеством с институционализированным политическим исламом [40].

После «арабской весны» успешными примерами построения постисламистских обществ считали Тунис и Марокко [35, с. 17], однако, после их поражения на следующих парламентских выборах и очередных волнениях эта идея забуксовала. Научный сотрудник Института социальных наук Ливанского университета А.Г. Имад считает, что постисламизм – это множество моделей и идей, и это означает начало нового этапа, избилующего противоречивыми показателями [41].

Наряду с развитием темы постисламизма в период событий «арабской весны» был впервые упомянут термин «неоисламизм». Несмотря на то, что Т. Чамхи считает, что неоисламизм начался в начале 1990-х гг. (полностью подменяя термин постисламизма) [42], он дает ему следующее определение: неоисламизм – это тенденция, возникшая в рамках основного движения «Братья-мусульмане» и его продемократических филиалов в мусульманском мире, выражающаяся в том, что используются либеральные концепции в тактических или стратегических целях, преследуя при этом те же традиционные цели исламского движения [42].

Термин «неоисламизм» широко применялся в последние двадцать лет в средствах массовой информации и, следовательно, учеными из различных учреждений для описания феноменов политического ислама. Такие ученые, как С. Халифа, М. Ибахрин и А. Бубекер, не давали определения этому термину, хотя, по-видимому, они имели в виду так называемый «умеренный исламизм», в основном связанный с движениями «Братьев-мусульман» и турецкой Партии справедливости и развития (ПСР) [43; 44; 45].

Американский аналитик по внешней политике Робин Райт, автор книги «Исламисты идут: кто они на самом деле» [46], употреблял термин «неоисламист» для описания умеренных членов «Братьев-мусульман» и филиалов этой организации, таких как тунисская партия ан-Нахда или марокканская Партия свободы и справедливости, которые считаются прогрессивными, прагматичными и стремятся к целям шариата, а не к их буквальному следованию. В этом отношении неоисламистов, по словам Р. Райта, «можно охарактеризовать как: более гибких (по сравнению с другими традиционными формами исламизма), информированных и зрелых в своем политическом мировоззрении. Для них шариат – это ценности, цивилизация и политический контекст. Неоисламисты стремятся к конечным целям шариата, но без привязки каждой ситуации к определенному религиозному тексту. Они считают, что ислам динамичен и представляет собой не набор фиксированных правил и догматов, а скорее органическую систему верований, которая может адаптироваться или жить в соответствии со временем. Неоисламисты могут быть прогрессивными, а в некоторых вопросах даже либеральными. Неоисламисты доверяют ученым-реформаторам» [46].

Р. Райт разделил суннитский исламизм на три категории: первая категория относится к классическому исламизму, в который входят в основном салафиты и некоторые ультраклассические мыслители «Братьев-мусульман», такие как С. Кутб; вторая категория относится к неоисламизму, описанному выше; третья категория – постисламизм, где его приверженцы отделяют религиозный и политический дискурс, хотя они не отделяют ценности от политики [47]. Согласно классификации Р. Райта, постисламисты не примут классический секуляризм, но, с другой стороны, они не будут пропагандировать шариат [47].

На наш взгляд, неоисламизм – это скорее тактическая стратегия, чем новая идеология. Хотя он содержит некоторые идеологические сдвиги, эти изменения не являются фундаментальными.

После «арабской весны» для характеристики исламизма ряд исследователей применяли термин «исламский активизм» как участие мусульман в решении различных социально-экономических проблем, не только политических [48, с. 10; 49]. Исламский активизм включает в себя многочисленные проявления общественного благочестия в рамках все более светского пространства [50; 51]. Американский исследователь Х. Мадхи выделяет три типа исламского активизма без четкого определения каждого из них: политический, миссионерский и джихадистский [52].

Турецкий исследователь Б. Гюрель определяет исламизм как форму инструментализации ислама отдельными лицами, группами и организациями, которые преследуют политические цели [53, с. 78]. Он рассматривает исламизм с модернистской точки зрения, утверждая, что далеко не все исламисты стремятся вернуться к «чистому исламу» времен пророка Мухаммеда и четырех праведных халифов [53]. Подобно другим религиозным идеологиям, исламизм придерживается избирательного подхода к современности, в котором он сохраняет определенную дистанцию от ряда современных идей и практик, не отвергая современные технологии и капитализм, которые лежат в основе современности. Австралийские исследователи М. Милани и Д. Котл считают, что «будучи социально направленной идеологией, исламизм выбрал и адаптировал различные формы марксизма 1940-х гг., которые к 1960-х и 1970-х гг. были хорошо интегрированы в революционное исламистское течение» [54]. Мусульманское присвоение марксизма, безусловно, было избирательным в том смысле, что его материализм и атеизм игнорировались, как и марксистская интерпретация религии. Что они действительно приняли от марксизма, так это его идеалы социальной справедливости, потому что они, как считалось, соответствовали аналогичным исламским ценностям, уже заложенным в Коране и традиции (религия это и есть справедливость). Поэтому исламизм – это не просто социальное явление, которое движет религиозным самовыражением, но и мировоззрение, определяемое тем, что эти два понятия – социальность и религиозность – являются синонимами. Существует необходимость переосмысления категории исламизма не просто как политического ислама, а, точнее, как «исламского марксизма» [54].

Немецкий исследователь К. Шак призывает разделять исламистов на традиционных (выступают за возвращение к временам «золотого века» ислама, не против вооруженной борьбы ради достижения целей) и модернистских (выступают за сочетание ислама с современными ценностями, которые не противоречат его духу, в вопросе применения насилия придерживаются чаще оборонительной позиции) [55].

Довольно широкое определение исламизма можно встретить у бельгийского ученого С. Земни – «идеология, которая стремится присвоить политическое пространство посредством мобилизации религиозных (исламских) ресурсов и способов социальных действий, начиная от да'ва (проповеди) и заканчивая джихадом (насилием, терроризмом), посредством которого определенные социальные группы проявляют свое желание контролировать государство, свергать или противостоять государству и устанавливать порядок, который называется “исламским”» [56]. Американский исследователь М.Л. Эйхман пишет, что исламизм – это всеобъемлющая социальная, политическая и экономическая идеология, основанная на религии [57].

Причины роста популярности исламизма после «арабской весны» дополняются отменой халифата в 1924 г.; созданием Ассоциации «Братьев-мусульман» в 1928 г.; основанием Королевства Саудовская Аравия в 1932 г. [37]; разочарованием в светских идеологиях [54]; социально-экономическими факторами [58].

Социальная база исламизма дополняется размышлениями турецкого исследователя Б. Гюреля, считающего, что исламисты произошли из маргинализованных элементов. Неформальный пролетариат, который в научной литературе часто называют «городской беднотой», является наиболее важной целевой группой исламистских движе-

ний из-за своей численности и мобилизационного потенциала [53]. Помимо «городской бедноты», М. Милани и Д. Котл сюда относят небольших и средних торговцев, ремесленников, студентов, учителей и государственных служащих [54].

Таким образом, зарубежный дискурс об исламизме в XXI в. характеризуется следующим. Наблюдается проработка радикальной составляющей в исламизме, которая имеет различные модификации и оттенки, что связано с реакцией на теракты в Нью-Йорке и американское вторжение в регион. Сохраняются попытки раскрыть основные и дополнительные причины подъема популярности исламизма, а также изучения его социальной базы.

После «арабской весны» наблюдаются новые подходы в понимании дальнейшего развития исламизма как идеологической модели. В первую очередь это касается постисламистского и неоисламистского подходов. Обосновывается сочетаемость исламизма с элементами демократии. Более того, «арабская весна» привела с одной стороны к росту популярности исламизма, а с другой – к его очевидной дискредитации в результате продолжающейся нестабильности в регионе. Несмотря на то, что в период событий «арабской весны» радикальный исламизм существенно трансформировался (он стал более жестоким), негативных определений и сравнений наблюдается меньше. Присутствует попытка систематизации накопленного опыта в вопросе изучения исламизма.

Источники

1. Desai M. *Rethinking Islamism: The Ideology of the New Terror*. London, IB Tauris, 2007. 204 с.
2. Bale J.M. Islamism and totalitarianism. *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2009, т. 10. № 2, с. 73–96.
3. Soage A.B. Islamism and modernity: The political thought of Sayyid Qutb. *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2009, т. 10. № 2, с. 189–203.
4. Cohen N. *What's Left? How liberals lost their way*. London: Fourth Estate, 2007. 436 с.
5. Mozaffari M. What is Islamism? History and definition of a concept. *Totalitarian movements and political religions*. 2007, т. 8. № 1, с. 17–33.
6. Fatah T. *Chasing A Mirage: The Tragic Illusion of an Islamic State*. Ontario: Wiley, 2008. 423 с.
7. Stott P. Anarchism, terrorism studies and Islamism. *Global Discourse*. 2010, т. 1. № 2, с. 66–85.
8. Weyland P. Islam–Islamism–Islamist Terrorism? A Proposal to Come to Terms with the Nexus of Islam and Security. *Connections*. 2004, т. 3. № 3, с. 79–84.
9. Browers M.L. The secular bias in ideology studies and the case of Islamism. *Journal of Political Ideologies*. 2005, т. 10. № 1, с. 75–93.
10. DerGhoughassian K. The Social Origins of Shia and Sunni Islamism. *Journal of Race, Ethnicity and Religion*. 2011, т. 2, с. 1–41.
11. Addi L. Islam re-observed: sanctity, Salafism, and Islamism. *The Journal of North African Studies*. 2009, т. 14. № 3-4, с. 331–345.
12. Ismail S. Being Muslim: Islam, Islamism and Identity Politics. *Government and Opposition*. 2004, т. 39. № 4, с. 614–631.
13. El-Sherif A. Islamism After the Arab Spring. *Current History*. 2011, т. 110. № 740, с. 358–363.
14. Yilmaz I. Beyond Post-Islamism: Transformation of Turkish Islamism Toward 'Civil Islam' and Its Potential Influence in the Muslim World. *European Journal of Economic and Political Studies*. 2011, т. 4. № 1, с. 245–280.
15. Yildirim E. Plural Islamism in plural modernities. *Insight Turkey*. 2012, т. 14. № 4, с. 35–45.
16. Fuller G.E., Kurpershoek M. What Future for Political Islam: Dilemmas and Opportunities for the Next Decade. *WRR, Scientific Council for Government Policy*. 2005. 44 с.

17. Ball T., Dagger R. *Political Ideologies and the Democratic Ideal*. New York: Longman, 2004. 367 с.
18. Bayat A. *Making Islam Democratic. Social Movements and the Post-Islamist Turn*. Stanford: Stanford University Press, 2007. 291 с.
19. Amin H. *From Islamism to Post-Islamism: A Study of a New Intellectual Discourse*. Rotterdam: Erasmus University, 2010. 302 с.
20. Osman M.N.M. Reforming PAS: From Islamism to post-Islamism. *Rajaratnam School of International Studies Commentaries*. 2008, т. 34, с. 1–3.
21. Belt D.D. Global Islamism – Understanding and Strategy. *Connections*. 2006, т. 5. № 4, с. 41–63.
22. Kundnani A. Islamism and the roots of liberal rage. *Race & Class*. 2008, т. 50. № 2, с. 40–68.
23. Teti A., Mura A. Islam and Islamism. *Routledge handbook of religion and politics*. 2009, с. 92–110.
24. Osman T. *Islamism. What it Means for the Middle East and the World*. L., Yale University Press, 2016. 304 с.
25. Murr V. The Power of Ideas: Sayyid Qutb and Islamism. *Biography*. 2009, т. 7, с. 1–24.
26. Toth J. Islamism in southern Egypt: A case study of a radical religious movement. *International Journal of Middle East Studies*. 2003, т. 35. № 4, с. 547–572.
27. Berman S. Islamism, revolution, and civil society. *Perspectives on Politics*. 2003, с. 257–272.
28. Tuğal C. Islamism in Turkey: beyond instrument and meaning. *Economy and society*. 2002, т. 31. № 1, с. 85–111.
29. Turner B.S. Class, generation and Islamism: towards a global sociology of political Islam. *British Journal of Sociology*. 2003, т. 54. № 1, с. 139–139.
30. Haider A. The Rhetoric of Resistance: Islamism, Modernity, and Globalization. *Harvard Blackletter Law Journal*. 2002, т. 18, с. 91–128.
31. Yapp M.E. Islam and Islamism. *Middle Eastern Studies*. 2004, т. 40. № 2, с. 161–182.
32. Kepel G. *Jihad, expansion et déclin de l'islamisme*. Paris: Gallimard, 2000. 452 с.
33. El-Affendi A. Arab Spring, Islamist Ice Age: Islamism, democracy, and the dictatorship of the “Liberalism of Fear” in the Era of revolutions. *American Journal of Islamic Social Sciences*. 2013, т. 30. № 4, с. 1–18.
34. Liu Z., Fan P. On the Three Pivotal Doctrines of Islamism. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2019, т. 13. № 3, с. 295–309.
35. Kömeçoğlu U. Islamism, Post-Islamism, and Civil Islam. *Current trends in Islamist ideology*. 2014, т. 16. с. 16–32.
36. Hassan I.H. Orientalism and Islamism: A Comparative Study of Approaches to Islamic Studies. *Arts Social Science Journal*. 2015, т. 6. № 91, с. 1–3.
37. Gaub F. Islamism and Islamists: A very short introduction. *European Union Institute for Security Studies (EUISS)*, 2014, с. 1–4.
38. Bayat A. The Arab Spring and its surprises. *Development and Change*. 2013, т. 44. № 3, с. 587–601.
39. Holdo M. Post-Islamism and fields of contention after the Arab Spring: feminism, Salafism and the revolutionary youth. *Third World Quarterly*. 2017, т. 38. № 8, с. 1800–1815.
40. Cavatorta F. The war on terror and the transformation of political Islam. *Religion Compass*. 2012, т. 6. № 3, с. 185–194.
41. Imad A.G. Post-Islamism: Ideological Delusions and Sociological Realities. *Contemporary Arab Affairs*. 2019, т. 12. № 3, с. 3–20.
42. Chamkhi T. Neo-Islamism in the post-Arab spring. *Contemporary Politics*. 2014, т. 20. № 4, с. 453–468.
43. Khalifa S. The neo-Islamists. *Foreign policy journal*. 2012. <http://www.foreignpolicyjournal.com/2012/01/29/the-neo-islamists/> (дата обращения 12.05.2022)
44. Ibahrine M. *New media and neo-Islamism: new media's impact on the political culture in the Islamic world*. Saarbrücken, VDM Publishing, 2012. 392 с.
45. Boubekour A., Roy O. *Whatever happened to the Islamists? Salafis, heavy metal Muslims and the lure of consumerist Islam*. New York: Columbia University Press, 2012. 256 с.

46. Wright R. *The Islamists are coming: who they really are?* Washington, DC, Woodrow Wilson Center Press, 2012. 176 с.
47. Wright R. Don't fear all Islamists, fear Salafis. *The New York Times*, 29 August. 2012. <http://www.nytimes.com> (дата обращения 14.05.2022)
48. Toguslu E., Leman J. Contemporary Islamic Activism and Muslims. *Modern Islamic Thinking and Activism: Dynamics in the West and in the Middle East*. Leuven University Press, 2014, с. 9–29.
49. Ilyya M., Rochmawati N., Huda M.C. Revolution of Islamic Proselytizing Organization: From Islamism to Moderate. *QIJIS (Qudus International Journal of Islamic Studies)*. 2019, т. 7. № 1, с. 45–70.
50. Kazmi Z. Beyond compare? Free market Islamism as ideology. *Journal of Political Ideologies*. 2018, т. 23. № 2, с. 117–140.
51. Stein E., Volpi F. Islamism and regime change in the Middle East and North Africa: looking beyond the Arab uprisings. *Islamism and the Arab Uprisings*. www.casaw.ac.uk/wp-content/uploads/2014/04/Islamism-and-the-Arab-Uprising-June-2014-Ewan-Stein-Report.pdf. (дата обращения 12.05.2022)
52. Madhi Kh. Islamism (s) and the Arab uprisings: between commanding the faithful and mobilising the protestor. *The Journal of North African Studies*. 2013, т. 18. № 2, с. 248–271.
53. Gürel B. Islamism: a comparative-historical overview. *The neoliberal landscape and the rise of Islamist capital in Turkey*. 2015, т. 14, с. 77–101.
54. Milani M., Cottle D. Quest for justice: Islamism, social justice, and civility in Islamic history. *Journal of Religious and Political Practice*. 2018, т. 4. № 3, с. 390–410.
55. Schuck C. A conceptual framework of Sunni Islamism. *Politics, Religion & Ideology*. 2013, т. 14. № 4, с. 485–506.
56. Zemni S. Moroccan Post-Islamism: emerging trend or chimera. *Post-Islamism: The Changing Faces of Political Islam*. 2013, с. 134–156.
57. Eichman M.L. The global spread of Islamism: An agent-based computer model. *Social Networks: A Framework of Computational Intelligence*. Springer, Cham, 2014, с. 407–425.
58. Salem Y. *Transnational Islamism and political moderation: A comparative analysis of Egypt and Morocco*. Florida: Florida Atlantic University, 2015. 201 с.

ISLAMISM IN THE FOREIGN DISCOURSE OF THE 21st CENTURY

© 2022 Timur Khayrullin

KHAYRULLIN Timur R., PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka str., 30/1, e-mail: jumglaw16@yandex.ru

Abstract. *The article presents the results of a historiographical review of foreign scientific literature on the nature of Islamism in the 21st century. An important role in the foreign discourse of the 21st century was played by the study of the radical component in Islamism, which has various modifications and shades. In addition to studying radicalism and studying the issue of the social base of Islamism, special attention is paid to its political features and definition. The events of the Arab Spring led to speculation about another «decline of Islamism». According to foreign scholars, Islamism failed to achieve the main goal of building an Islamic state in the shortest possible time and underwent revision, resulting in more liberal post-Islamist ideas. There is an attempt to systematize the accumulated knowledge about Islamist ideology.*

Keywords: *Islamism, political Islam, post-Islamism, discourse, Middle East, North Africa*

DOI: 10.31132/2412-5717-2022-61-4-70-83

References

- Addi L. Islam re-observed: sanctity, Salafism, and Islamism. *The Journal of North African Studies*. 2009. Vol. 14. №. 3–4, pp. 331–345.
- Amin H. *From Islamism to Post-Islamism: A Study of a New Intellectual Discourse*. Rotterdam: Erasmus University, 2010. 302 p.
- Ball T., Dagger R. *Political Ideologies and the Democratic Ideal*. New York: Longman, 2004. 367 p.
- Bale J.M. Islamism and totalitarianism. *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2009. Vol. 10. №. 2. Pp. 73–96.
- Bayat A. *Making Islam Democratic. Social Movements and the Post-Islamist Turn*. Stanford: Stanford University Press, 2007. 291 p.
- Bayat A. The Arab Spring and its surprises. *Development and Change*. 2013. Vol. 44. №. 3. Pp. 587–601.
- Belt D.D. Global Islamism—Understanding and Strategy. *Connections*. 2006. Vol. 5. №. 4. Pp. 41–63.
- Berman S. Islamism, revolution, and civil society. *Perspectives on Politics*. 2003. Pp. 257–272.
- Boubekeur A., Roy O. *Whatever happened to the Islamists? Salafis, heavy metal Muslims and the lure of consumerist Islam*. New York: Columbia University Press, 2012. 256 p.
- Browsers M.L. The secular bias in ideology studies and the case of Islamism. *Journal of Political Ideologies*. 2005. Vol. 10. №. 1. Pp. 75–93.
- Cavatorta F. The war on terror and the transformation of political Islam. *Religion Compass*. 2012. Vol. 6. №. 3, Pp. 185–194.
- Chamkhi T. Neo-Islamism in the post-Arab spring. *Contemporary Politics*. 2014. Vol. 20. №. 4. Pp. 453–468.
- Cohen N. *What's Left? How liberals lost their way*. London: Fourth Estate, 2007. 436 p.
- DerGhougassian K. The Social Origins of Shia and Sunni Islamism. *Journal of Race, Ethnicity and Religion*. 2011. Vol. 2. P. 1–41.
- Desai M. *Rethinking Islamism: The Ideology of the New Terror*. London: IB Tauris, 2007. 204 p.
- Eichman M.L. The global spread of Islamism: An agent-based computer model. *Social Networks: A Framework of Computational Intelligence*. Springer, Cham, 2014. Pp. 407–425.

- El-Affendi A. Arab Spring, Islamist Ice Age: Islamism, democracy, and the dictatorship of the “Liberalism of Fear” in the Era of revolutions. *American Journal of Islamic Social Sciences*. 2013. Vol. 30. № 4. Pp. 1–18.
- El-Sherif A. Islamism After the Arab Spring. *Current History*. 2011. Vol. 110. № 740. Pp. 358–363.
- Fatah T. *Chasing A Mirage: The Tragic Illusion of an Islamic State*. Ontario: Wiley, 2008. 423 p.
- Fuller G.E., Kurpershoek M. What Future for Political Islam: Dilemmas and Opportunities for the Next Decade. *WRR, Scientific Council for Government Policy*. 2005. 44 p.
- Gaub F. Islamism and Islamists: A very short introduction. *European Union Institute for Security Studies (EUISS)*, 2014. Pp. 1–4.
- Gürel B. Islamism: a comparative-historical overview. *The neoliberal landscape and the rise of Islamist capital in Turkey*. 2015. Vol. 14. Pp. 77–101.
- Haider A. The Rhetoric of Resistance: Islamism, Modernity, and Globalization. *Harvard Blackletter Law Journal*. 2002. Vol. 18. Pp. 91–128.
- Hassan I.H. Orientalism and Islamism: A Comparative Study of Approaches to Islamic Studies. *Arts Social Science Journal*. 2015. Vol. 6. №. 91. Pp. 1–3.
- Holdo M. Post-Islamism and fields of contention after the Arab Spring: feminism, Salafism and the revolutionary youth. *Third World Quarterly*. 2017. Vol. 38. №. 8. Pp. 1800–1815.
- Ibahrine M. *New media and neo-Islamism: new media's impact on the political culture in the Islamic world*. Saarbrücken: VDM Publishing, 2012. 392 p.
- Ilyya M., Rochmawati N., Huda M.C. Revolution of Islamic Proselytizing Organization: From Islamism to Moderate. *QIJIS (Qudus International Journal of Islamic Studies)*. 2019. Vol 7. № 1. Pp. 45–70.
- Imad A.G. Post-Islamism: Ideological Delusions and Sociological Realities. *Contemporary Arab Affairs*. 2019. Vol. 12. №. 3. Pp. 3–20.
- Ismail S. Being Muslim: Islam, Islamism and Identity Politics. *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39. №. 4. Pp. 614–631.
- Kazmi Z. Beyond compare? Free market Islamism as ideology. *Journal of Political Ideologies*. 2018. Vol. 23. №. 2. Pp. 117–140.
- Kepel G. *Jihad, expansion et déclin de l'islamisme*. Paris: Gallimard, 2000. 452 p.
- Khalifa S. The neo-Islamists. *Foreign policy journal*. 2012. <http://www.foreignpolicyjournal.com/2012/01/29/the-neo-islamists/> (дата обращения 12.05.2022)
- Kömeçoğlu U. Islamism, Post-Islamism, and Civil Islam. *Current trends in Islamist ideology*. 2014. Vol. 16. №. Pp. 16–32.
- Kundnani A. Islamism and the roots of liberal rage. *Race & Class*. 2008. Vol. 50. №. 2. Pp. 40–68.
- Liu Z., Fan P. On the Three Pivotal Doctrines of Islamism. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2019. Vol. 13. №. 3. Pp. 295–309.
- Madhi Kh. Islamism (s) and the Arab uprisings: between commanding the faithful and mobilising the protestor. *The Journal of North African Studies*. 2013. Vol. 18. № 2. Pp. 248–271.
- Milani M., Cottle D. Quest for justice: Islamism, social justice, and civility in Islamic history. *Journal of Religious and Political Practice*. 2018. Vol. 4. №. 3. Pp. 390–410.
- Mozaffari M. What is Islamism? History and definition of a concept. *Totalitarian movements and political religions*. 2007. Vol. 8. №. 1. Pp. 17–33.
- Murr V. The Power of Ideas: Sayyid Qutb and Islamism. *Biography*. 2009. Vol. 7. Pp. 1–24.
- Osman M.N.M. Reforming PAS: From Islamism to post-Islamism. *Rajaratnam School of International Studies Commentaries*. 2008. Vol. 34. Pp. 1–3.
- Osman T. *Islamism. What it Means for the Middle East and the World*. L.: Yale University Press, 2016. 304 p.
- Salem Y. *Transnational Islamism and political moderation: A comparative analysis of Egypt and Morocco*. Florida: Florida Atlantic University, 2015. 201 p.
- Schuck C. A conceptual framework of Sunni Islamism. *Politics, Religion & Ideology*. 2013. Vol. 14. №. 4. Pp. 485–506.
- Soage A.B. Islamism and modernity: The political thought of Sayyid Qutb. *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2009. Vol. 10. №. 2. Pp. 189–203.

Stein E., Volpi F. Islamism and regime change in the Middle East and North Africa: looking beyond the Arab uprisings. *Islamism and the Arab Uprisings*. URL: www.casaw.ac.uk/wp-content/uploads/2014/04/Islamism-and-the-Arab-Uprising-June-2014-Ewan-Stein-Report.pdf (дата обращения 12.05.2022)

Stott P. Anarchism, terrorism studies and Islamism. *Global Discourse*. 2010. Vol. 1. №. 2. Pp. 66–85.

Teti A., Mura A. Islam and Islamism. *Routledge handbook of religion and politics*. 2009. Pp. 92–110.

Toguslu E., Leman J. Contemporary Islamic Activism and Muslims. *Modern Islamic Thinking and Activism: Dynamics in the West and in the Middle East*. Leuven University Press, 2014. Pp. 9–29.

Toth J. Islamism in southern Egypt: A case study of a radical religious movement *International Journal of Middle East Studies*. 2003. Vol. 35. №. 4. Pp. 547–572.

Tuğal C. Islamism in Turkey: beyond instrument and meaning. *Economy and society*. 2002. Vol. 31. №. 1. Pp. 85–111.

Turner B.S. Class, generation and Islamism: towards a global sociology of political Islam. *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54. №. 1. Pp. 139–139.

Weyland P. Islam–Islamism–Islamist Terrorism? A Proposal to Come to Terms with the Nexus of Islam and Security. *Connections*. 2004. Vol. 3. №. 3. Pp. 79–84.

Wright R. Don't fear all Islamists, fear Salafis. *The New York Times*, 29 August. 2012. <http://www.nytimes.com> (дата обращения 14.05.2022)

Wright R. *The Islamists are coming: who they really are?* Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2012. 176 p.

Yapp M.E. Islam and Islamism. *Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 40. №. 2. Pp. 161–182.

Yildirim E. Plural Islamism in plural modernities. *Insight Turkey*. 2012. Vol. 14. №. 4. Pp. 35–45.

Yilmaz I. Beyond Post-Islamism: Transformation of Turkish Islamism Toward 'Civil Islam' and Its Potential Influence in the Muslim World. *European Journal of Economic and Political Studies*. 2011. Vol. 4. №. 1. Pp. 245–280.

Zemni S. Moroccan Post-Islamism: emerging trend or chimera. *Post-Islamism: The Changing Faces of Political Islam*. 2013. Pp. 134–156.